

ВАНЯ И СМЕРТЬ

До немцев было рукой подать – с чёрного пригорка, приглушённо хлопая, раз за разом взлетали под низкие тёмные облака осветительные ракеты, тусклые тени метались по изрытой воронками ничейной полосе. Постукивали в ночи одиночные выстрелы, чуть в стороне проснулся и зарокотал пулемёт. Ему ответили наши – сверкающие трассы перелестнулись на встречных курсах и разлетелись по сторонам...

Ваня, осмотревшись, сполз с бруствера, сел на дно окопа. Снял каску, устало вытянул ноги, обиженно вздохнул – почему именно его назначил сегодня сержант Никифоров в боевое охранение? Ещё раз вздохнул, на этот раз печально и одиноко – в блиндаже сейчас ребята спят в тепле, а ближе к полуночи на передовую приползёт старшина, притащит алюминиевые термосы с горячим ужином – весело загремят котелки, пожилой связист Герашенко строго прикрикнет на расшумевшихся бойцов. Вот только ротного командира никто не пойдёт будить – унесли санитары после сегодняшней атаки лейтенанта в медсанбат.

Ваня натянул каску, поднялся на ноги, осторожно выглянул наружу. Его дело – смотреть, слушать, предупредить своих. Ночью ему всегда казалось, что окоп боевого охранения ближе к немецким траншеям, чем к нашим. Громыхало где-то наверху, зарницами бледно подсвечивая облака. «Как бы не полило, – Ваня, повывавший у себя в деревне немало гроз, с опаской закрутил головой. – Чтоб тебе пусто было, Никифоров, так торопил, что плащ-накидка осталась в блиндаже...» Не дай бог дождь – шинель насквозь промокнет, а до рассветного тумана, когда Ваня поползёт к своим, ещё долго...

Прошлым утром рота воевала. Уже с недели полковые разведчики, возвращаясь, рассказывали, что на пригорке немцев немного

так, сидят кое-где по окопам, постреливают наугад. Ротный решил проверить – уж очень эта лысая высота всем надоела. В штабе батальона операцию одобрили: «Только осторожно, лейтенант, малыми силами, – Ваня в блиндаже слышал, как комбат гудел ротному в трубку полевого телефона, – не зарывайся!». Атака оказалась неудачной – сначала бойцы напоролись на мины, потом немцы накрыли их из пулемётов. Три солдата убиты, четверо ранены, лейтенант – тяжело. Днём комбат свирепо ходил по ходам сообщения, материл разведчиков, затем приказал взводным командирам готовиться к новой атаке – на рассвете полковое начальство пообещало провести артподготовку. И вот Ване, после того как отгремят орудия, придётся снова бежать в сторону этого проклятого пригорка...

Беспорядочная стрельба над передним краем поутихла. Ваня удобнее устроился на дне окопа. Проверил гранаты в земляной нише, сдул с затвора винтовки пыль. Отгоняя сон, хлебнул из фляги воды. Достал из кармана шинели сухарь, стряхнул с него махорочные крошки. Дремать нельзя – несколько дней назад немецкая разведка, обшаривая передний край, утащила с собой солдата из соседнего батальона. Приезжал злой особист – грозил трибуналом бойцам и командирам...

Тянулось время, в темноте ворочались раскаты далёкого грома, но дождь не начинался. А потом Ваня услышал шаги, слышал издали – кто-то, не таясь, топал в сторону окопа боевого охранения. «От наших траншей идёт. Как же часовые его пропустили? – Ваня, нашаривая в темноте винтовку, вспоминал предупреждения особиста о перебежчиках. – А может, Никифоров на смену кого послал? Ну, да, держи карман шире – пошлёт он. Может,

это санитары – убитых пришли выносить?..» Старшая не звякает металлом, Ваня плавно загнал патрон в патронник, снял винтовку с предохранителя и осторожно выглянул наружу.

В небо с пригорка метнулась осветительная ракета, на мгновенье нерешительно застыла и, разбрызгивая холодные искры, быстро покатила вниз. Ваня прищурился – прямо на него, покачивая бледную дрожащую тень, шагал человек. Силуэт показался знакомым...

«Стой, кто идёт!» – Ваню оглушил собственный шёпот. «Свои, Ваня! Не боись...» – через секунду, осыпая сухую землю, в окоп съехал солдат. Ваня, не опуская винтовки, пригляделся. Солдат был немолод, с сединой, но ещё крепок. Отряхнувшись, он поскрёб жёсткую зетину и, улыбнувшись, спросил: «Что, не узнаёшь? Да опусти ты ружьё, в самом деле – выстрелит ещё ненароком!» И улынулся – на лицо набежали морщинки, блеснули зубы. Улыбка оказалась хорошей, доброй, и Ваня успокоился. Обычный деревенский мужик, а теперь солдат. Ватник, обмотки, пилотка со звездой. Да Ваня, кажется, и видел его не раз: то в роте он мелькнет, то в батальоне. Знакомый, в общем...

Они присели на дно окопа. Глаза снова привыкали к темноте. «Табачком богат? Закурим, Ваня?» – пришлый солдат положил натруженные руки на колени. «Да вроде на посту курить нельзя, – Ваня нерешительно потянулся за кисетом, – немец учует...» – «Ладно, мы одну на двоих, под шинелькой – вот и не унюхает фриц...» – солдат ловко скрутил мозолистыми пальцами самокрутку, лизнул, склеивая края бумаги, – «Давай шинель, накрывайся, спички у меня есть...»

Огонек самокрутки трещал, выхватывая из дымной темноты смутно знакомое лицо солдата, они затягивались по очереди махоркой, а Ваня всё никак не мог вспомнить его имя. Докурив до пальцев, солдат потушил окурок о стенку окопа. Откинули шинель – сразу стали слышны звуки дальних выстрелов. Ваня выглянул из окопа, огляделся, присел обратно...

– Слушай, дядя, а как тебя зовут? А идешь откуда?

– Как меня зовут, не важно, Ваня. А иду я из медсанбата.

– Что, ранен был?

– Да нет, не ранен. Лейтенанта вашего проводывал.

– Как он там?

Солдат не ответил. Кряхтя, размотал, встряхнул обмотку, задумчиво потёр колени...

– Устал я, Ваня. Сколько работы! Очень устал...

– Так ты санитар, что ли? – Ваня обрадовался догадке, – А я то-то думаю, где тебя видел...

– Санитар? – солдат задумался, – Можно сказать и так...

– А родом откуда? Может, земляк? – Ваня почему-то стало легко на душе. – Не с Рязанщины?

– Да я многим земляк, – солдат, вытряхивая мелкий сор из стоптанного ботинка, улынулся. – Почитай, всем. И имя моё известно каждому. Имя простое: Смерть...

Почему-то Ваня развеселился:

– Ну, ты, дядя, заливаешь, – Ваня приглушённо хихикнул, – А как же коса, череп-кости, мне бабки в деревне рассказывали...

– Война, брат. Какая там коса... – Солдат, намотав обмотку, затягивал шнуры ботинка. Примеряясь, топнул ногой о землю. И поднял на Ваню бездонные пустые глаза. И Ваня, похолодев, догадался, где видел не раз такие остывшие глаза. У убитых. В роте, в батальоне...

На левом фланге снова проснулся немецкий пулемёт, отрывисто прокашлялся и дал куда-то в темноту длинную очередь. С нашей стороны сердито ударила в ответ минометная батарея – хлопки разрывов пышно расцвели на вершине пригорка. Суматошно взлетели осветительные ракеты, окрасив мир в бледные мертвецкие цвета...

– Ладно, отдохнул немного, пора мне. Давай, браток, подсоби, рассвет скоро, – солдат устало поднялся на ноги...

Ваня, превозмогая мелкую зябкую дрожь, помог ему взобраться на бруствер. В окоп

ручейками посыпалась земля: «Как в могилу...» В горле пересохло, он заикался:

– Ты, дядя, за мной приходил? Да?

– Когда-нибудь приду и за тобой. Не сегодня. – Солдат ладонями отряхивал с ватника налипшую землю. – К немцам пойду – скоро у вас артподготовка начнется. Работы там будет много. Ты, Ваня отсыпь-ка мне табачку – я немецкий не очень люблю...

А когда он наклонился за кисетом, Ваня неожиданно для себя судорожно выдавил:

– Скажи, дядя, вот ты идёшь туда, а к нам смерть в немецкой форме приходит?

– Глупый ты, Ваня! – Солдат присел на бруствер. – Смерть она для всех одна...

– А когда война кончится, знаешь? – Ваня неожиданно для себя осмелел.

– Это тебе в штабе надо спросить, у генералов. А я, видишь, рядовой, мне не докладывают...

– А батю моего, он где-то в сорок первом сгинул, ты не встречал? – Ваня затаил дыхание...

– Да разве всех упомнишь? Работы-то сколько... Ладно, спасибо тебе за табачок, пойду – не опоздать бы...

Размеренным шагом солдат уходил в темноту...

Спохватившись, Ваня свистяще зашипел ему в спину:

– Дядя, там минное поле впереди! А дальше колючая проволока – не пройдёшь!

Солдат остановился. Обернулся и, чуть помедлив, зашагал обратно. Наклонился над окопом:

– Вот что, Ваня. Утром после артподготовки пойдёте в атаку. Прямо на пригорок этот не беги. Вон, гляди, слева – канавка. За ней кустики. Мин там нет. И пулемётчик тебя не увидит. Там и ползи прямо до фрицев. Понял?

Повернулся и, не пригибаясь, ушёл в сторону немецкого переднего края. Ваня прислушивался к удаляющимся шагам. Стихло. А с недалекого пригорка, вздрагивая от редких выстрелов, поползла на ничейную полосу сырая полоса тумана. Ваня засобирался – надо успеть проскочить к своим...

«Приготовиться к атаке! – как только рассветло, комбат, протискиваясь между бойцов, заметался по траншее, – Сразу после артподготовки – броском вперёд!». Ваня, сжимая винтовку, обернулся к Никифорову:

– Товарищ сержант, как там в медсанбате наш лейтенант?

– Смерть за ним пришла ночью. Умер наш ротный...

За спинами загремело – через секунду над головами загудели, засвистели снаряды. Пригорок задрожал, окутался дымом и пылью...

Комбат, подняв вверх руку с пистолетом, задержав дыхание, смотрел на часы. Сержант, напугавшись и прикрыв глаза, что-то горячо шептал. А Ваня, шурясь, высматривал ту канавку, те кустики, где нет мин и пулемётчик его не достанет – сегодня. Он верил. Ему обещали...

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

После духоты комнаты на крыльце оказалось прохладно. Доставая сигарету, Иван зябко поёжился. По двору задумчиво бродили куры, останавливались, встряхивались – с перьев взлетала осыпь острых стеклянных капель. Дым, не растворяясь в сыром воздухе, завис над крыльцом. Влажный табак горел плохо, трещал – сумрачный дождик уже неделю напивал окружающий мир, все вокруг промокло, поникло, и только неуныва-

ющая дочка наперегонки с дворняжкой носилась в ограде – резиновые сапожки оставляли дрожащие круги в мелких лужицах. Было слышно, как в доме густо бубнил, хохотал дядя Саша – сосед. Звенели тарелки, громко, застольно переговаривались женщины, яркие краски телевизора отбрасывали наружу – за занавески – неясные, приглушенные блики.

Дом, сарай, баня, крепкий забор – все было ухожено, в огороде на грядках уже вы-

лезли стрелки лука, наклёвывалась редиска. «Скоро картошку садить, – Иван потянулся, – старикам помочь надо. А как сажать – грязь такая...» Весна в этом году была ранняя, снег сошел уже в начале апреля, а май внезапно отяжелел дождями...

«Ну, ты где, Ваня? – на крыльцо вывалился дядя Саша, – Давай твоих – хороших попробуем...»

Неспешно раскуривал сигарету, пахло от него солёными грибами, чесноком, крепко сдобренным водочным духом.

«Вот ты, Иван, не пьёшь совсем, приходится мне за тебя отдуваться перед бабами, – дядя Саша, осторожно сгибая хрустящие колени, присел на мокрую ступеньку. – Ты не подумай, это я не в укор тебе, прости Господи. Но ведь и праздник нынче – День Победы! Мой батя сгинул где-то на Волховском в сорок втором, да и твой дед-фронтовик, я ведь его хорошо помню, только пару годов после войны и прожил. Помню, как бабы убивались, когда военком в поселок приезжал призыв проводить. Помню, как эти же бабы голосили, когда объявили, что война кончилась...»

Без предупреждения зашелестело в траве, застучало мелко по крыше – снова зарядил дождь. «Настя, а ну, домой! – Иван пальцем погрозил дочке, – Вымокнешь вся!»

«Что водку не любишь – молодец, уважаю тебя за это... – Дядя Саша нетвердо поднялся, ткнулся колючей щетиной в щеку Ивана. – А ведь ты воевал, и Серёжка мой вместе с тобой, – старик всхлипнул, дрогнул плечами, – это ведь и ваш праздник, сынки...»

Иван подхватил на руки влетевшую на крыльцо запыхавшуюся дочку. Толкнул дверь в тёмные сени, нашупал выключатель. Они учились с Серёгой в одном классе. Вместе призывались в армию. Вместе попали в учебку, потом на Кавказ. Когда боевики штурмовали Грозный, Серёга был первым, кто погиб тогда на блокпосту. Его тело, запорошенное землёй близких разрывов, полторы недели лежало вместе с другими «двухсотыми» в изгибе траншеи – возможности вывезти убитых не было. От грохота

стрельбы закладывало уши. В горле стоял ком пороховых газов. Не хватало воды. Раненые бредили. Заканчивались боеприпасы. Трижды на блокпост, помахая белым флагом, приходил чеченец – полевой командир. Хищным взглядом окидывал измождённых солдат, предлагал сдаться, обещал жизнь. Вглядывался чёрными глазами, словно старался запомнить тех, кто, слушая его гортанную речь, улыбался растрескавшимися губами. После его ухода снова и снова гремели разрывы – чеченцы расстреливали огрызающийся блокпост из гранатомётов...

Потом к ним с боем прорвалась бронеколонна от соседей-морпехов, танкисты прямой наводкой разбивали позиции боевиков, стрекотали в небе вертолёты, суетились над ранеными врачи, а Иван с бойцами, боясь не успеть к отходу колонны, разгребали землю, вытаскивали убитых, грузили окостеневшие тела на воняющий соляровкой бронетранспортер...

«Ну, беги!» – Иван опустил дочку на пол. В комнате было светло, шумно, телевизор в очередной раз повторял столичный парад, женщины за столом перекрикивали друг друга:

– Тебе, Нинка, повезло, Иван-то не пьёт, работающий!

– Да уж, повезло, работы в поселке нет, сколько ему еще мотаться на заработки за тридевять земель!

– Да не будет нашего поселка через десять лет – смотрите, сколько людей уехало, сколько домов заколоченных стоит!

– Нинка, твой-то живой с войны вернулся, а что старикам делать? Хорошо, что помогаете, а иначе как жить...

Заплакали как по команде. Дядя Саша разливал по рюмкам, что-то успокоительно бурчал...

Через полгода после дембеля Ивана вызвали в областной военкомат. Полковник долго тряс руку. Вручили орден. В красной орденой книжке стоял номер награды и подпись президента. «А Серёге?» – Иван, сжимая орден, ждал. Военком положил ему руку на плечо: «Не подавало командование части наградных документов на рядового

Рябченко. Но не беспокояйся, похоронили его в поселке со всеми почестями, старики от государства получают, пусть и небольшую, пенсию по потере кормильца, я обещаю, что вопрос о его награде мы поставим...»

Трансляция парада прервалась, телевизор поперхнулся рекламой, женщины за столом, переглянувшись, с надрывом, с каким-то вызовом запели «Катюшу». Дядя Саша, отложив вилку, утирал глаза. Иван подозвал дочку, посадил её себе на колени...

Он редко вспоминал войну. Не до этого было. Женился. Родилась первая дочь. Сейчас она в городе – учится. Затем родилась вторая. Надо было работать. Несколько раз его приглашали в местную школу – выступать перед ребятами. «Иван Петрович, это очень важно, – молоденькая учительница теребила его за рукав, – обязательно с наградами надо прийти, рассказать о мужестве и героизме, патриотизм – основа основ воспитания подрастающего поколения...» Он улыбался, кивал, но на встречах больше отмалчивался. О чем было рассказывать? О том, как после таких собраний метался по комнате, хрустел кулаками, искал ответ: ради чего были те страх, боль, кровь? Кому нужны их мужество и героизм? Остыв, он замыкался в себе, и тогда Нина ходила по дому молчком, дочки вели себя тише воды. Он не любил себя за эти минуты, старался не думать ни о чём, не вспоминать. И разве об этом расскажешь детям в школе?..

– Привет всей честной компании! – в комнату, отряхивая кепку, вошел глава посёлка Никифоров. – С праздником!

Стол загудел, сдвигали тарелки, освобождая место гостю.

– И не уговаривайте! – Никифоров накрыл ладонями рюмку. – Не могу! Новость у меня хорошая – сейчас приедут эти, как их – инвесторы, которые лесопилку нашу купили и собираются производство восстанавливать, а там, глядишь, и до комбината дело дойдет! Так что, давайте, собирайтесь, понимаю, что праздник, но через час всех жду у администрации. Потом догуляете, ну и я с

вами День Победы отметчу. Давайте-давайте, и дождик уже как раз кончился...

Иван, держа дочку на руках, старательно обходил глубокие лужи на когда-то асфальтированной дороге. Со всех сторон к центру увядающего посёлка тянулись люди. Было их мало, а когда-то здесь, в таёжной глуши, кипела жизнь. Издалека приезжал народ наниматься на лесопункты, в лесхоз, в три смены работал деревообрабатывающий комбинат. Посёлок окружали четыре исправительные колонии, каждый вечер крутили фильмы в офицерском клубе, молодёжь бегала на танцы. Там он и познакомился с Ниной. По вечерам горел свет в библиотеках, пацаны из профтехучилища гоняли на стадионе футбольный мяч. Потом колонии закрылись, обанкротился комбинат, ушлые предприниматели разобрали и продали на металлолом рельсы железной дороги, по которой вывозился заготовленный лес. Автобус в райцентр стал ходить раз в неделю, и нередко водители отказывались ехать по разбитой вдрызг дороге. Мужики спивались, молодёжи не осталось совсем. Много раз Нина уговаривала его всё продать – дом, хозяйство – и уехать ближе к городу, к дочке, к работе. «А старики? – Иван показывал на дом соседей, – они как же? С ними что будет? Не поеду»...

На крыльце администрации размахивало руками районное начальство, в чём-то горячо убеждая собравшихся людей. Одни по привычке хлопали, другие равнодушно наблюдали. Услышав за спиной рёв двигателей, Иван оглянулся – подпрыгивая на ухабах, к зданию подкатили три тонированных джипа. Захлопали дверцы машин – на крыльцо поднялись крепко сбитые чернявые пассажиры. «Вот и наш главный инвестор! – районный чиновник, растянув губы в улыбке, пожимал руку высокому мужчине в дорогом костюме, – Знакомьтесь: Ахмет Идрисович, уважаемый человек, инициатор восстановления здешнего производства!».

Смутное беспокойство подтолкнуло Ивана ближе. Глухо долетали до сознания слова чиновника: «Откроем больницу, отремонтиру-

ем стадиона, молодёжь вернется, достойная зарплата...»

С высоты крыльца молчаливый бизнесмен цепко вглядывался в лица собравшихся людей чёрными блестящими глазами, как тогда – на расстрелянном, обгоревшем, но воюющем блокпосту. У Ивана перехватило дыхание, когда они встретились и зацепились взглядом. Он крепче прижал к себе дочку, не опустил глаза, только облизнул внезапно пересохшие, словно потрескавшиеся губы. «Лесопильный цех – это только начало, так мы договорились с уважаемыми бизнесменами... – чиновник уже устал и торопился, – Короче, завтра все приходите с документами устраиваться на работу...»

Новый хозяин лесопилки жестом подозвал к себе Никифорова и, коротким поворотом головы указав на Ивана, что-то спросил. Тот обстоятельно отвечал, а Иван, посадив дочку на плечи, не оглядываясь и не обращая внимания на лужи под ногами, зашагал домой. «Иван, я к тётё Оле на часок загляну...» – Нина стояла с женщинами чуть в стороне, слышался смех. Он на ходу махнул рукой: «Хорошо». Снова посыпал на землю мелкий дождик...

«Папа, я наелась, можно пойду погуляю?» – Настя отодвинула тарелку и, сидя на высоком стуле, нетерпеливо болтала ногами. Иван не ответил – телевизор показывал сверкающие небоскрёбы заново отстроенного Грозного. Сжал кулаки – по широкому проспекту стройными рядами шагали вооруженные до зубов бородачи, а корреспондент, перекрикивая звуки маршей, радостно, с гортанным акцентом вещал о красочном параде в честь Дня Победы...

«Папа, ну, папа! – дочкин голосок отвлек его от экрана. – Можно? – она чутко замерла в готовности прыгнуть со стула... «Если дождя нет, тогда иди во двор, сапожки обязательно надень...» – Иван подошел к окну, отодвинул занавеску. Замер – по улице к его дому, аккуратно объезжая колдобины, двигались три чёрных джипа...

Иван осторожно опустил на место занавеску, подозвал к себе дочку: «Настя, беги

сейчас в спальню и не выходи, – он старался говорить спокойно, убедительно. – Хорошо, дочка? А потом мы вместе погуляем – ладно?». Настя кивнула. Он закрыл за ней дверь. Прислушался – за оградой хлопали дверцы машин, залилась лаем дворовая собачонка...

Иван метнулся к шкафу, рванул ремни кожаного чехла, в три приёма собрал ружьё Переломил, заглянул в стволы, направив ружьё на яркий свет телевизора. Хромированная сталь зеркалом отразила экран, где победно маршировало бородатое войско. Вбил в стволы картечные патроны и, сжав зубы, со стеклянным звоном толкнул наружу раму окна...

– Не стреляй, Иван! погоди! Давай поговорим! – Во дворе, как чёрный, насупившийся грач, с поднятыми руками стоял Ахмет. – Сколько лет прошло... Но, у меня хорошая память. Вижу – и ты меня узнал... – От каркающего, нездешнего голоса у Ивана похолодела спина, мельком кинув взгляд на закрытую дверь спальни, он взвел курки двустволки...

– Ты тогда пришел на мою землю с оружием, Иван. Мы сражались. Ты храбрый воин. – Подождав, медленно опустил руки, облегчённо выдохнул. На ткань дорогого костюма оседала водяная пыль, собиралась мелкими блестящими каплями, падала на землю. – Я пришел на твою землю не воевать, мы живем с тобой в одной стране, Иван. Ты – россиянин и я – россиянин. У тебя дети, их кормить надо. Думай Иван...

Не поворачиваясь спиной к окнам, попятился, закрыл за собой калитку. Взревели двигатели машин. Иван опустил ружьё. Его затрясло...

Через час в доме опять было людно, шумно, смеялись, пели. Раскрасневшийся, довольный приёмом районного начальства Никифоров, перекрикивая соседей, перегнулся к нему через стол: «Кавказец этот всё про тебя, Ваня, спрашивал, встречались где?». Иван пожал плечами: «Не помню». – «Ну и ладно, и пес с ним! – Глава поднял рюмку. – Тише! Хороший подарок к празднику нам сделали! Главное,

что не умрёт теперь наш посёлок, есть у нас руки, головы на плечах. А люди вернутся, обязательно вернутся, разве можно не вернуться в жизнь? Давайте выпьем за это и за Победу!» Все встали, улыбались, чокались. Один дядя Саша заплакал над стопкой...

«Всё теперь будет хорошо, Ваня, и уезжать никуда не надо, – Нина подсела, довольная прижалась к нему. – Завтра пойдёшь, устроишься на работу, говорят – зарплата хорошая будет. И дочке в городе будем помогать, и стариков не оставим...» – «Да, конечно. Ну, иди к столу, вон смотри – дядя Саша совсем расклеился... – Иван поднялся. – Я выйду ненадолго...» – «Куда ты? – Нина уже раскладывала шумящим гостям по тарелкам дымящуюся картошку, – к Серёжке на кладбище? Так были же недавно – убрали ограду, цветы посадили. Ну, ладно, недолго там – сам

знаешь, я без тебя Настю не уложу. Да и салют скоро будут показывать ...»

Кладбище было недалеко – сразу за окраиной поселка. Многие могилы заросли бурьяном, завалились кресты, покосились жестяные обелиски с обшарпанными звездами – некому стало ухаживать за мертвыми...

Иван присел на сырую скамейку у мраморного постамента. Достал из кармана куртки бутылку водки, плеснул в стопку. Вынул из бархата коробки холодный блестящий орден и бережно положил его на могильную плиту. Придавил сверху бутылкой. А лую орденскую коробочку, повертев в руках, с размаху зашвырнул в кусты...

Курил, сжимая кулаки. Уже прилично стемнело. Снова зашуршал дождик и словно в ответ в поселке дружно закричали «ура!», заголосили – по телевизору показывали праздничный салют...